Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 20.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и Н. М. Шестакова.

Ю. Подвинскій.

Конституція Царства Польскаго и ея судьба.

(1815—1830).

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 апрѣля 1906 года.

КОНСТИТУЦІЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО И ЕЯ СУДЬБА.

(1815—1830).

Конституція Царства Польскаго и ея судьба.

(1815—1830).

Въ критическіе моменты, когда историческая эволюція приводитъ къ неизбѣжному разрѣшенію создавшихся вѣками противорѣчій, широкимъ кругамъ народа весьма трудно бываетъ освоиться сразу съ новыми идеями, идущими въ разрѣзъ со всѣмъ укладомъ и понятіями стараго режима.

Необходимы значительныя усилія критической мысли для того, чтобы разорвать внутреннія оковы, въ которыхъ мы жили и съ которыми сживались, несмотря на то, что ежечасно протестовали противъ нихъ.

Миражъ величія неограниченной власти, въ которой русскій народъ видѣлъ залогъ и опору государственнаго могущества и силы Россіи, былъ разсѣянъ русско-японской войной и внутренней смутой. Централизмъ тоже не выдержалъ великаго экзамена исторіи. И вотъ на нашихъ глазахъ огромное большинство русскаго общества, даже въ самыхъ умѣренныхъ его кругахъ, открыто требуетъ коренной реформы государственнаго строя на началахъ народнаго представительства. По отношенію къ идеѣ централизма такого единодушія не замѣчается. Въ умахъ многихъ видныхъ политическихъ дѣятелей

онъ отождествляется еще съ могуществомъ и единствомъ Россіи, хотя самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ такого взгляда могутъ служить тѣ ужасы, которые творятся теперь на окраинахъ. Только нѣкоторыя передовыя русскія партіи рѣшили смѣло порвать съ централизмомъ и провозгласить принципъ автономіи окраинъ. Строго говоря, это былъ лишь еще одинъ шагъ по пути къ свободѣ, и тѣмъ неофитамъ конституціонализма, по мнѣнію которыхъ автономія означаетъ „расчлененіе и распаденіе“ Россіи, недостаетъ только смѣлости сдѣлать этотъ шагъ впередъ по избранной ими дорогѣ.

Автономія окраинъ, дѣйствительно, трудно мирится съ централизмомъ, присущимъ неограниченной власти. Но тотъ, кто согласился, наконецъ, съ тѣмъ, что вся 130-милліонная масса, населяющая русское государство, имѣетъ неоспоримое право на свободное самоопредѣленіе и на участіе въ дѣлѣ устроенія своей судьбы, вынужденъ силой самой логики принятаго имъ положенія признать такое же право и за отдѣльными національными группами, входящими въ составъ этой массы. Историческая личность каждой изъ нихъ должна быть неприкосновенна; имъ должна быть дана прочная гарантія этой неприкосновенности, т.-е. автономія. Безъ нея получится не свобода, а гнетъ и насильственное распинаніе 104 народовъ Россіи на прокрустовомъ ложѣ разныхъ исконныхъ и неисконныхъ началъ великорусскаго происхожденія. Отстаивать идею централизаціи въ такомъ разноплеменномъ и огромномъ государствѣ, какъ Россія, значитъ обрекать его на вѣчное рабство, раздоръ и волненія. Свободная, могущественная Россія безъ автономіи окраинъ — это contradictio in adjecto (внутреннее противорѣчіе).

Противники автономіи выдвигаютъ противъ нея въ качествѣ послѣдняго аргумента разные „поучи-

тельные" примѣры изъ исторіи. Особенно богатый въ этомъ отношеніи матеріалъ они почерпають изъ исторіи польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Такъ, напримѣръ, въ изданной „союзомъ 17-го октября" брошюрѣ „Объ автономіи Польши" мы читаемъ: „Всего поучительнѣе опытъ Польши. Она обладала полной автономіей, и это былъ добровольный даръ русскаго самодержца. Она имѣла конституцію, когда въ Россіи не было объ этомъ помина. Она обладала даже особымъ національнымъ войскомъ. Какъ же воспользовалась она этой автономіей, для чего послужило ей это войско? Вопросъ поставленъ не для того, чтобы кого-нибудь обвинить, но чтобы напомнить о положеніи дѣла, которое неизбѣжно вело къ насильственной развязкѣ. Неминуемость катастрофы наступила не тогда, когда взошелъ на престолъ государь, не расположенный къ польской конституціи... Задолго до этого можно было предвидѣть, къ чему приведетъ автономія" и т. д.*).

Итакъ, автономія, данная полякамъ, привела ихъ къ вооруженному возстанію, цѣлью котораго было, конечно, отдѣленіе отъ Россіи и возстановленіе Польши „отъ моря до моря".

Знаменитый составитель учебниковъ всемірной исторіи г. Иловайскій можетъ гордиться: онъ не даромъ сѣялъ столько лѣтъ сѣмена великихъ историческихъ истинъ, приспособленныхъ къ „видамъ правительства". Солиднымъ политическимъ дѣятелямъ „союза 17-го октября" надлежало бы, однако, заглянуть и въ неодобренные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія источники для болѣе точнаго ознакомленія съ тѣми фактами, на которые они ссылаются въ своихъ полемикахъ. Они бы знали тогда, что не автономія 1815 года привела поля-

*) „Объ автономіи Польши", изд. «союза 17-го октября». Москва, 1906 г., стр. 4—5.

ковъ къ возстанію, а, наоборотъ, оно вспыхнуло вслѣдствіе постепенныхъ стѣсненій, систематическихъ нарушеній и урѣзываній правъ, гарантированныхъ полякамъ конституціею. Впрочемъ, и въ приведенной нами выдержкѣ изъ брошюры „союза 17-го октября“ имѣется цѣнное указаніе на то, что польская конституція опиралась главнымъ образомъ на расположеніе къ ней монарха. Нельзя сказать, чтобы подобное чисто субъективное отношеніе того или другого лица къ основному государственному закону могло служить достаточно прочной гарантіей народной свободы. Факты изъ исторіи Царства Польскаго, съ 1815 по 1830 годъ, съ которыми мы желаемъ познакомить нашихъ читателей, показываютъ ясно, что поляки возстали въ 1830 году на защиту своей свободы и своей конституціи, которая, по выраженію одного изъ польскихъ политическихъ дѣятелей того времени, съ самаго начала была обращена русскою властью въ „magni nominis umbra“ (въ пустой звукъ).

I.

Когда въ 1812 году грандіозные планы Наполеона потерпѣли полное крушеніе, созданное имъ Герцогство Варшавское было безъ труда занято русскими войсками. Эта оккупація не стоила Россіи ни единой капли крови, потому что Австрія добровольно перешла на сторону побѣдительницы и немедленно вывела свои войска изъ предѣловъ Герцогства, а польская армія, оставшаяся и въ несчастіи вѣрной своему императору, рѣшила раздѣлить его участь и продолжала сопровождать его до самой Франціи.

Судьба Герцогства Варшавскаго была окончательно рѣшена на вѣнскомъ конгрессѣ. Первоначально по поводу польскихъ дѣлъ между союзными

державами возникли серьезныя разногласія, грозившія даже полнымъ разрывомъ переговоровъ. Россія требовала для себя всего Герцогства Варшавскаго безъ всякихъ обязательствъ на счетъ внутренняго устройства этой области. Франція, Англія и Австрія не соглашались съ этими требованіями, считая ихъ слишкомъ преувеличенными.

Внезапное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило державы пойти на взаимныя уступки. Въ результатѣ вся территорія бывшей Рѣчи Посполитой была раздѣлена на пять частей: три изъ нихъ, отошедшія еще раньше къ Россіи, Австріи и Пруссіи, и нѣкоторые департаменты Герцогства Варшавскаго были признаны за этими державами, въ качествѣ подчиненныхъ имъ областей; двѣ остальныя части сохранили свое политическое существованіе. Это были — независимая Краковская республика и Царство Польское, образованное изъ большей части прежняго Герцогства Варшавскаго и соединенное съ россійскою короною, какъ отдѣльное государство, обладающее собственной конституціей. Соотвѣтствующая статья въ актѣ вѣнскаго конгресса гласитъ дословно слѣдующее:

„Le duché de Varsovie, à l'exception des provinces et des districts, dont il a été autrement disposé dans les articles suivants, est réuni à l'empire de Russie. Il y sera irrévocablement lié, *par sa constitution* pour être possedé par S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ses héritiers et successeurs à

„Герцогство Варшавское, за исключеніемъ тѣхъ областей и округовъ, относительно которыхъ имѣются особыя постановленія въ послѣдующихъ статьяхъ, соединяется съ Россійской Имперіей. Оно будетъ *связано* съ нимъ неразрывно *посредствомъ своей конституціи* для того, чтобы на вѣчныя времена быть во владѣніи

perpétuité". S. M. Imp. se réserve de donner *à cet état jouissant d'une administration distincte* l'extension*) intérieure, qu'elle jugera convenable. Elle prendra avec ses autres titres celui de czar, roi de Pologne, conformement au protocole usité et consacré pour les titres, attachés à ses autres possessions.

Его Величества Императора Всероссійскаго и его наслѣдниковъ. Его Импер. Вел. оставляетъ за собой право дать *этому государству, пользующемуся особымъ управленіемъ*, внутреннее распространеніе, какое онъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Онъ приметъ вмѣстѣ съ прочими своими титулами титулъ царя, короля польскаго согласно принятому и освященному обычаю, относящемуся къ титуламъ, связаннымъ съ его другими владѣніями.

Les Polonais sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prussie obtiendront une representation et des institutions nationales, reglies par le mode d'exis tance politique, que cha-

Поляки, подданные Австріи, Пруссіи и Россіи, получатъ національныя представительства и учрежденія, отвѣчающія тому роду политическаго существованія, какой каждое изъ правительствъ, къ

*) Выраженіе „extension" (распространеніе), какъ видно изъ текста, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ территоріальнаго распространенія. Императоръ Александръ I, дѣйствительно, неоднократно высказывалъ мысль о возстановленіи Польши посредствомъ присоединенія къ кореннымъ польскимъ землямъ областей литовско-бѣлорусскихъ и малороссійскихъ, „до Днѣпра и Двины". Между тѣмъ проф. Мартенсъ переводитъ „extension interieure", внутреннее устройство; ошибка, м.-б., невольная, но не безвредная. Интересно, что въ своемъ „Собраніи трактатовъ и конвенцій" (т. III) проф. Мартенсъ на стр. 237 переводитъ слово „extension" черезъ „устройство", а на стр. 320 и 337 то же слово „extension", стоящее въ томъ же предложеніи, что и на стр. 237, означаетъ уже и у почтеннаго профессора „распространеніе".

cun des gouvernements auquels ils apartients jugera utile et convenable de leur accorder“. — которымъ они принадлежатъ, сочтетъ полезнымъ и удобнымъ имъ предоставить.

Итакъ Царство Польское не было завоевано Александромъ I. Онъ получилъ его отъ конгресса европейскихъ державъ на основаніи договора, который долженъ былъ установить въ Европѣ новый порядокъ, опирающійся на принципы международной справедливости и правды. Царство Польское было присуждено русской императорской династіи подъ условіемъ сохраненія его національной самобытности и особаго управленія и изданія конституціи, которая служила бы звеномъ, связывающимъ его съ Россіей.

Основныя начала, которыми надлежало руководствоваться при составленіи польской конституціи, императоръ Александръ подписалъ еще въ Вѣнѣ въ маѣ 1815 года. Они состояли изъ 37 статей, большая часть которыхъ вошла въ текстъ самой конституціи. Нѣкоторыя изъ нихъ были, однако, измѣнены въ направленіи, свидѣтельствующемъ о томъ, что составители конституціи устрашились чрезмѣрнаго либерализма „началъ“ и постарались значительно умѣрить его и ограничить. Такъ, напримѣръ, статья IV, гласящая, что „древній основной законъ: neminem captivabimus nisi jure victum (никто не можетъ быть заключенъ въ темницу безъ суд. приговора), будетъ охранять обывателей всѣхъ сословій безъ различія“, была редактирована въ другихъ выраженіяхъ, а именно: латинскій текстъ стараго польскаго закона былъ вставленъ въ конституціонную хартію въ слѣдующемъ видѣ: „neminem captivari permittemus nisi jure victum“. Введеніе слова „permittemus“ (мы позволимъ) должно было означать, что монархъ воленъ заключать въ тюрьму всякаго, кого ему угодно,

и только подчиненнымъ ему властямъ онъ не позволяетъ это дѣлать безъ судебнаго приговора. Въ такомъ понимании закона, гарантирующаго полную неприкосновенность личности гражданина, весьма характерно проявилось традиціонное міровоззрѣніе абсолютнаго монарха, не допускающаго возможности какого-либо ограниченія своей власти по отношенію къ личности подданнаго. Точно такъ же не нашли себѣ мѣста въ конституціи статья, устанавливающая отвѣтственность чиновниковъ передъ обыкновенными судами за преступленія, совершенныя ими при исполненіи служебныхъ обязанностей (ст. 19 „началъ“), статьи о безплатномъ обученіи и о самостоятельномъ управленіи городовъ собственными выборными властями; равнымъ образомъ была выпущена статья 37-я, согласно которой „великая конституціонная хартія, данная Нами жителямъ Нашего Царства Польскаго, должна быть навсегда признаваема *главнымъ и священнѣйшимъ звеномъ*, связующимъ это царство неразрывно и навѣки съ Имперіей Всероссійской, какъ въ Нашемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всѣхъ Нашихъ наслѣдниковъ“. Вмѣсто этой статьи введены были ст. 1-я, 2-я, 3-я, гласящія дословно такъ:

Ст. 1. „Царство Польское *) навсегда соединено съ Имперіей Россійскою“.

Ст. 2. „Гражданскія и политическія его отношенія, опредѣленныя нами, а равно и узы, долженствующія упрочить это соединеніе, заключаются въ настоящей данной ему хартіи“.

Ст. 3. „Корона Царства Польскаго наслѣдственна въ лицѣ Нашемъ и Нашихъ потомковъ и наслѣдниковъ въ порядкѣ наслѣдія, установленномъ для Императорскаго Россійскаго Трона“.

---

*) Во Французскомъ текстѣ: „Royaume de Pologne“; въ польскомъ „Krolestwo Polskie“.

Изъ сопоставленія текста этихъ трехъ статей съ текстомъ 37 статьи „конституціонныхъ началъ", утвержденныхъ Александромъ I въ Вѣнѣ, видно, что составители польской конституціи желали избѣжать ясной и опредѣленной формулировки положенія, въ силу котораго, какъ сказано было въ актѣ вѣнскаго конгресса, Царство Польское соединено съ Россіей на основаніи своей собственной конституціи.

Конституціонная хартія состоитъ изъ 165 статей, подраздѣленныхъ на 7 отдѣловъ, изъ которыхъ 1-й обнимаетъ „Политическія отношенія Царства Польскаго", 2-й—„Общія Гарантіи", 3-й говоритъ „О правительствѣ" (глава 1—„О королѣ", гл. 2 — „О регентствѣ", гл. 3—„О намѣстникѣ и государственномъ совѣтѣ", гл. 4—„О министерствахъ",гл. 5—„ Овоеводскомъ управленіи"), отдѣлъ 4-й—„О народномъ представительствѣ" (гл. 1 — „Общія положенія", гл. 2 — „О сенатѣ", гл. 3 — „О палатѣ депутатовъ", гл. 4 — „О сеймикахъ", гл. 5 — „О гминныхъ сходахъ", гл. 6—„О воеводскихъ совѣтахъ"), отдѣлъ 5-й—„О судебной власти", отдѣлъ 6-й — „О вооруженной силѣ" и отдѣлъ 7-й обнимаетъ собою общія постановленія, касающіяся коронныхъ имуществъ, государственнаго долга, государственныхъ знаковъ отличія и т. д.

Первымъ вопросомъ, возникающимъ при разборѣ польской конституціи, является вопросъ о сущности той связи, которая устанавливалась этой конституціей между Царствомъ Польскимъ и Россіей. Спеціалисты-государствовѣды до сихъ поръ не пришли еще къ опредѣленному и одинаковому рѣшенію этого вопроса. Въ то время, какъ французскій историкъ Сеньобосъ называетъ эту связь „личной уніей", русскіе ученые (Коркуновъ, Мартенсъ), исходя, очевидно, изъ факта полной зависимости слабой конституціонной Польши отъ могущественной и неогра-

ниченной Россійской Имперіи, пытаются доказать, что Царство Польское было присоединено къ Россіи въ качествѣ простой провинціи на началахъ инкорпораціи. Ближайшее разсмотрѣніе текста польской конституціи въ связи съ соотвѣтствующей статьей акта вѣнскаго трактата *) убѣждаетъ насъ, однако, въ ошибочности такого взгляда. Вотъ тѣ немногія статьи конституціонной хартіи 1815 года, которыя, вмѣстѣ съ первыми тремя статьями, приведенными выше, имѣютъ прямое или хотя бы косвенное отношеніе къ интересующему насъ вопросу:

Ст. 8. „Отношенія, вытекающія изъ иностранной политики Нашей Имперіи, будутъ общими и для Нашего Царства Польскаго“.

Ст. 9. „Только монархъ будетъ имѣть право опредѣлять участіе Царства Польскаго въ войнахъ, которыя будетъ вести Россія, а также въ мирныхъ и торговыхъ договорахъ, которые будутъ заключены этой державой“.

Ст. 10. „Въ случаѣ введенія русскихъ войскъ въ Польшу или польскихъ въ Россію или въ случаѣ прохода этихъ войскъ черезъ какую-нибудь область одного изъ этихъ двухъ государствъ, содержаніе ихъ и расходы по переходу падаютъ всецѣло на ту сторону, которой они принадлежатъ. Польское войско никогда не будетъ употреблено за предѣлами Европы“.

Ст. 45. „Всѣ Наши наслѣдники въ Царствѣ Польскомъ должны короноваться въ качествѣ польскихъ королей въ столицѣ **) по обряду, который будетъ нами установленъ, и принести слѣдующую присягу: „Присягаю и обѣщаю передъ Богомъ и Евангеліемъ, что буду соблюдать конституціонную хартію и всѣми силами охранять ее отъ нарушенія“.

---

*) См. выше.
*) Т.-е въ Варшавѣ.

Ст. 48. „Случаи назначенія регентства, допущенные или имѣющіе быть въ Россіи, а равно власть и аттрибуты регента будутъ общи и для Царства Польскаго и регулируются одними и тѣми же правилами".

Ст. 51. „Регентство Царства будетъ состоять изъ регента россійскаго, четырехъ членовъ, избранныхъ сенатомъ, и министра статсъ-секретаря. Оно будетъ засѣдать въ столицѣ Россійской Имперіи подъ предсѣдательствомъ регента".

Ст. 31. „Польскій народъ будетъ имѣть на вѣчныя времена національное представительство въ сеймѣ, состоящемъ изъ короля и двухъ палатъ, изъ которыхъ первая составляется изъ членовъ сената, а вторая—изъ депутатовъ и представителей гминъ".

Изъ приведенныхъ статей видно, что связь между Царствомъ Польскимъ и Россіей заключалась единственно въ общности верховной власти, принадлежащей въ обоихъ государствахъ одному и тому же физическому лицу, и въ общности ихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы и по этимъ двумъ пунктамъ общность между обоими государствами была полной и безусловной. Власть русскаго императора значительно разнилась по своему характеру отъ власти польскаго короля. Первый былъ монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ, второй пользовался властью ограниченною національнымъ представительствомъ, и долженъ былъ присягать на вѣрность конституціи. Кромѣ того, въ случаѣ установленія регентства верховная власть въ Россіи переходила въ полномъ объемѣ регенту, а въ Царствѣ Польскомъ—къ коллегіальному органу, состоявшему изъ русскаго регента, четырехъ членовъ регентства, избранныхъ сенатомъ, и министра статсъ-секретаря. Такимъ образомъ конституція 1815 г. устанавливала случаи,

когда даже носителями верховной власти въ Царствѣ Польскомъ и въ Россіи могли быть разныя лица. Это обстоятельство дѣлало связь между Царствомъ и Имперіей въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе слабой, чѣмъ существовавшая до недавняго времени унія между Швеціей и Норвегіей, которыя имѣли общаго регента. Общность отношеній къ другимъ иностраннымъ государствамъ точно такъ же была ограничена статьею 9-ю и отчасти 10-ю, согласно которымъ участіе Царства Польскаго въ войнахъ Россіи не было для него безусловно обязательнымъ, а опредѣлялось каждый разъ королемъ, при чемъ польское войско не могло быть употребляемо за предѣлами Европы.

Въ соотвѣтствіи съ этими основными положеніями обособленность Царства Польскаго отъ Россіи характеризуется слѣдующими чертами: Царство Польское имѣло свои особыя законодательство, управленіе и судоустройство, свою армію, свою монету; польскій языкъ былъ языкомъ государственнымъ, господствующимъ „въ управленіи, судѣ и арміи безъ всякаго исключенія“ (ст. 28); всѣ государственныя должности, гражданскія и военныя, могли быть занимаемы только поляками*) (ст. 29); всѣ иностранныя дѣла, поскольку онѣ касались Царства Польскаго, были ввѣрены особому министру статсъ-секретарю (ст. 81), и, наконецъ, въ финансовомъ отношеніи Царство Польское было совершенно независимо отъ Россіи, такъ какъ каждое изъ обоихъ государствъ имѣло свой отдѣльный государственный долгъ (ст. 138). На основаніи изложенныхъ соображеній польскій ученый Зембжускій приходитъ къ заключенію, что связь между Царствомъ Польскимъ и Россіей представляла такъ называемую *реальную*

*) „Полякомъ“ — конституція называетъ всякаго вообще гражданина Царства Польскаго.

унію *). Современная теорія государственнаго права подъ этимъ терминомъ разумѣетъ соединеніе двухъ самостоятельныхъ государствъ такимъ образомъ, что одно и то же лицо является всегда носителемъ верховной власти въ обоихъ государствахъ и можетъ распространить эту общность и на другія функціи этихъ государствъ **). Реальная унія можетъ возникнуть различными способами, между прочимъ и путемъ уступки даннаго государства (или части онаго) его верховною властью правительству другой державы безъ слiянія его съ этой державой. Такимъ именно образомъ вѣнскій конгрессъ, которому принадлежало право распоряжатися судьбою спорныхъ территорій, установилъ унію между Россіей и Царствомъ Польскимъ. При этомъ были даже соблюдены всѣ формальности, такъ какъ герцогъ варшавскій (король саксонскій Фридрихъ Августъ) издалъ манифестъ, которымъ оповѣщалъ населеніе и о перемѣнѣ власти и разрѣшалъ его отъ принесенной ему присяги. Зембжускій доказываетъ еще правильность своего взгляда ссылкой на отдѣльныя выраженія въ протоколѣ конгресса и въ конституціонномъ актѣ 1815 года. Такъ, напр., конгрессъ называетъ Царство Польское — *государствомъ* (cet état), *имѣющимъ свое особое управленіе;* ст. 10 конституціи говоритъ прямо о „двухъ государствахъ“ и т. д.

Внутреннее устройство Царства Польскаго приближается къ устройству, введенному во Франціи послѣ реставраціи Бурбоновъ.

Законодательная власть принадлежала сейму, состоявшему изъ короля и двухъ палатъ ***) (сенато-

---

*) S. Zembrzuski—Rosja i Król. Polskie, stosunek prawno państwowy 1815—1832, Lwow 1904 стр. 33.

**) Iellinek Lehre von Staatenverbindungen, стр. 221, 214.

***) Это распредѣленіе законодательной власти между королемъ, сенатомъ и палатою депутатовъ, соединенными въ одномъ учрежденіи, т.-е. сеймѣ, позаимствовано изъ устройства бывш. Рѣчи Посполитой.

ровъ и депутатовъ) и созываемому черезъ каждые два года на тридцатидневный срокъ. Членами верхней или сенаторской палаты были принцы императорской крови, епископы католическіе и уніатскій, воеводы и каштеляны. Нижняя палата состояла изъ 77 депутатовъ, избранныхъ дворянами-помѣщиками на уѣздныхъ сеймикахъ, по одному отъ каждаго уѣзда, и изъ 51 представителя гминъ (общинъ сельскихъ и городскихъ), по одному отъ каждой гмины; изъ послѣдняго числа 8 депутатовъ приходилось на Варшаву. Слѣдуетъ замѣтить, что членами гминныхъ избирательныхъ собраній были землевладѣльцы недворяне, ремесленники и мастера, купцы, ксендзы, учителя, вольные художники, т.-е. почти всѣ жители гмины, за исключеніемъ шляхты, образующей особую курію, и крестьянъ, лишенныхъ всякаго участія въ народномъ представительствѣ. Обѣ куріи, шляхетская и гминная, въ самой палатѣ депутатовъ сливались въ одну, и всякое различіе между ними исчезало. Предсѣдатель нижней палаты назначался королемъ. Депутаты избирались на 6 лѣтъ, при чемъ составъ ихъ возобновлялся въ $^1/_3$ своей части черезъ каждые 2 года. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользовался каждый полноправный гражданинъ, достигшій 30 лѣтъ и платившій не менѣе 100 злотыхъ (15 руб.) налога. Сеймъ созывался королемъ, который имѣлъ при этомъ право распустить его, продолжить или отсрочить. Въ случаѣ распущенія королемъ палаты депутатовъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ должны были состояться новые выборы. Обсужденію въ сеймѣ подлежали проекты гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, предложенные королемъ черезъ государственный совѣтъ, а равно и проекты, относящіеся къ устройству управленія и правительственнымъ учрежденіямъ. Затѣмъ по призыву короля сеймъ разсматривалъ также фи-

нансовую смѣту, вопросы, касающіеся увеличенія или уменьшенія налоговъ, рекрутскаго набора, монетной системы и т. д. Важнымъ и характернымъ является то обстоятельство, что всѣ проекты новыхъ законовъ исходили отъ короля, т.-е. право законодательной инициативы принадлежало всецѣло монарху. Проекты, составленные депутатами, передавались въ государственный совѣтъ, который представлялъ ихъ на благоусмотрѣніе монарха, и только съ согласія послѣдняго эти проекты могли быть внесены черезъ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія въ сеймъ. Непосредственно сейму депутаты имѣли право представлять только проекты петицій на Высочайшее имя. Вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ, при чемъ голосованіе производилось открыто. Проектъ, принятый одной палатой *), передается другой палатѣ, которая можетъ его принять безъ всякихъ измѣненій или цѣликомъ отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами и утвержденный монархомъ, становился закономъ. Въ соединенномъ засѣданіи палатъ читался общій рапортъ о положеніи страны, составленный государственнымъ совѣтомъ. Каждая палата разсматриваетъ этотъ рапортъ въ особыхъ комиссіяхъ и представляетъ о немъ свои мнѣнія королю. Засѣданія обѣихъ палатъ были публичными, но по требованію $1/3$ части присутствующихъ они могли происходить и при закрытыхъ дверяхъ.

Исполнительная власть въ полномъ объемѣ принадлежитъ королю (ст. 35). Всякій королевскій указъ долженъ быть подписанъ (контрассигнованъ) министромъ, который является отвѣтственнымъ за всякое королевское распоряженіе, нарушающее конституцію. Въ отсутствіи короля его власть перехо-

*) Законопроекты вносились въ верхнюю или въ нижнюю палату, смотря по желанію Государя.

дитъ къ намѣстнику, которымъ можетъ быть только гражданинъ Царства Польскаго или членъ русскаго Императорскаго дома. Исполненіе законовъ сосредоточивается въ 5 министерствахъ или комиссіяхъ, а именно:

1) Комиссія вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія.

2) Комиссія юстиціи.

3) „ внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

4) „ военная.

5) „ финансовъ.

Во главѣ каждой изъ этихъ комиссій стоитъ министръ, назначенный королемъ. При особѣ короля находится постоянно министръ статсъ-секретарь, который является посредникомъ между монархомъ и намѣстникомъ и завѣдуетъ иностранными дѣлами, поскольку они касаются только Царства Польскаго. Намѣстникъ управляетъ государствомъ въ отсутствіе короля при участіи государственнаго совѣта, въ составъ котораго входятъ министры, государственные совѣтники, референдаріи и лица по назначенію монарха. Члены государственнаго совѣта пользуются только правомъ совѣщательнаго голоса. Государственный совѣтъ дѣлится на административный совѣтъ и на общее собраніе. Административный совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, намѣстника, министровъ и лицъ, особо назначенныхъ, вѣдаетъ дѣла внутренняго управленія. Общее собраніе составляетъ проекты новыхъ законовъ, контролируетъ дѣятельность министровъ, разрѣшаетъ споры между администраціей и судебною властью, привлекаетъ къ отвѣтственности чиновниковъ и т. д. Вся страна дѣлилась на 8 воеводствъ: Краковское, Сандомирское, Калишское, Люблинское, Плоцкое, Мазовецкое, Подляшское и Августовское. Въ каждомъ воеводствѣ для исполненія министерскихъ приказовъ на-

ходится такъ называемая *воеводская комиссія*, состоящая изъ предсѣдателя и комиссаровъ. Въ городахъ имѣются муниципальныя управленія, а въ каждой гминѣ—войтъ, представляющій собой послѣднее звено мѣстной администраціи. Органами самоуправленія были такъ называемые *воеводскіе совѣты*, члены которыхъ избирались на уѣздныхъ сеймикахъ и гминныхъ собраніяхъ. Эти совѣты выбирали судей двухъ первыхъ инстанцій, представляли кандидатовъ на государственныя должности и завѣдывали хозяйственной частью въ воеводствѣ.

Судъ совершенно независимъ отъ исполнительной власти. Судьи несмѣняемы. Всѣ жители безъ различія подлежатъ общимъ судамъ. Кромѣ мировыхъ судей, судовъ первой и второй инстанціи и высшаго трибунала въ Варшавѣ, конституціонная хартія устанавливаетъ еще сеймовый судъ, разбирающій дѣла о государственныхъ преступленіяхъ и проступкахъ высшихъ сановниковъ, которые привлекаются къ судебной отвѣтственности сенатомъ.

Численность арміи, которая сохраняетъ польскую національную военную форму, опредѣляетъ король сообразно съ доходами, означенными въ бюджетѣ. Сохраняются польскіе знаки отличія: ордены Бѣлаго Орла, св. Станислава и Военнаго Креста.

Нетрудно замѣтить, что польская конституція была весьма несовершенна. Отрицательныя ея стороны были: смѣшеніе принциповъ сословнаго и общенароднаго представительствъ, устраненіе крестьянъ отъ участія въ народномъ представительствѣ, значительныя преимущества шляхты въ сравненіи съ другими классами населенія (шляхта посылала въ сеймъ 77 депутатовъ, а гмины только 51), отсутствіе права законодательной иниціативы сеймовъ и т. п. Противъ власти и авторитета сейма была

также направлена статья 93, согласно которой, въ случаѣ неутвержденія сеймомъ новаго бюджета, въ теченіе двухъ лѣтъ дѣйствуетъ старый бюджетъ.

Всѣ эти крупные недостатки легко, однако, могутъ быть объяснены, если принять во вниманіе, что конституція Царства Польскаго была составлена въ эпоху сильнаго господства абсолютизма и реакціи во всей Европѣ. Несмотря на все несовершенство этой конституціи, она могла бы до нѣкоторой степени удовлетворить нравственныя и матеріальныя потребности польскаго народа, если бы она исполнялась *). Къ сожалѣнію, вся исторія конституціоннаго Царства Польскаго съ момента его образованія вплоть до возстанія 1830 года представляетъ собою рядъ нарушеній конституціи, дѣлавшихъ послѣднюю пустой фикціей.

II.

Возстановленіе Царства Польскаго поляки встрѣтили громкими ликованіями. Въ честь „великодушнаго воскресителя Польши" была отчеканена монета съ надписью: „Alexander I, Imperator totius Russiae Rex Poloniae Unus qui nobis restituit rem". Въ ноябрѣ 1815 года императору былъ устроенъ Варшавою восторженный пріемъ, свидѣтельствовавшій объ искренней и глубокой благодарности поляковъ. Всеобщую радость не раздѣляли лишь немногіе болѣе дальновидные люди, понимавшіе, что тѣ глубокія противорѣчія, которыя лежали въ основѣ искусственно созданной связи между двумя государствами, столь отличными другъ отъ друга, какъ по своимъ рессурсамъ, такъ и по своему характеру, ничего хорошаго предвѣщать не могли.

*) Grabienski Dzieje narodu Polskiego Krakow, 1898 сг., 2 стр. 220.

„Предвижу, — писалъ Косцюшко князю Адаму Чарторыскому въ іюнѣ 1815 года,—что слово „полякъ“ станетъ презрительной кличкой и Москва будетъ считать насъ своими рабами“. Другой современникъ Бажиковскій въ своей „Исторіи ноябрьскаго возстанія“ *) пишетъ: „Легко было предвидѣть, что конституція недолго будетъ соблюдаться и уважаться. Да и какъ можно было предполагать, что абсолютный монархъ, неограниченный властелинъ 50 милліоновъ подданныхъ, будетъ стѣснять свою власть по отношенію къ клочку земли, расположенному между Вартою и Бугомъ, и пожелаетъ ограничивать себя конституціею? Онъ прикрылъ этотъ клочокъ земли конституціонной хартіей, потому что такъ предписывалъ поступить политическій расчетъ, но онъ долженъ былъ естественно считать свою волю выше всего, тѣмъ болѣе, что превосходство силъ обезпечивало за нимъ побѣду. Какъ можно было думать, что вспыльчивый и страстный Константинъ не будетъ нарушать конституцію и не сдѣлаетъ изъ нея для себя игрушки?“ И дѣйствительно, нарушенія конституціи начались чуть ли не со дня ея утвержденія императоромъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду многочисленныя ея разъясненія или такъ называемые „органическіе статуты“, которыми, благодаря стараніямъ императорскаго комиссара Новосильцева, былъ снабженъ конституціонный актъ. Эти „статуты“ должны были служить развитіемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ его отдѣловъ, касающихся, напримѣръ, организаціи и дѣятельности государственнаго совѣта, административнаго совѣта и т. д. „Развитіе и разъясненіе“ приводили, однако, весьма часто къ простому отрицанію и ограниченію конституціи. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ статутовъ

*) Barzykowski Historja powstania listopadowego, t. I, стр. 129. Poznan 1883.

ѓласилъ, что палата депутатовъ не имѣетъ права привлекать къ отвѣтственности министра безъ разрѣшенія короля. Нетрудно замѣтить, что подобнымъ „разъясненіемъ" почти отмѣнялась отвѣтственность министровъ, гарантированная 116 ст. конституціи. Но самымъ главнымъ шагомъ, опредѣлившимъ сразу отношеніе къ этой конституціи самого императора Александра I, было назначеніе въ Царство Польское, въ качествѣ главнокомандующаго польскою арміею, великаго князя Константина Павловича, который сдѣлался фактически вершителемъ судебъ новаго государства. Великій князь Константинъ былъ живымъ портретомъ своего отца— императора Павла. Своенравный, строгій, жестокій, вспыльчивый до ярости, онъ былъ, по словамъ одного изъ современниковъ, „какъ бы нарочно назначенъ для того, чтобы вызвать польскій народъ на дѣйствія, которыя могли бы послужить предлогомъ для лишенія его всѣхъ дарованныхъ ему правъ *). Князь Чарторыскій еще въ іюлѣ 1815 года прямо писалъ Александру I, что „поведеніе великаго князя, сводя къ нулю самыя торжественныя обѣщанія, клонится развѣ къ тому, чтобы довести народъ до отчаянія, и заставляетъ предполагать, что все это истекаетъ изъ заранѣе обдуманныхъ плановъ". Русскіе историки, какъ, напр., Карновичъ, также не отрицаютъ того, что вся административная власть въ Царствѣ Польскомъ фактически сосредоточивалась въ рукахъ великаго князя, который отталкивалъ отъ себя поляковъ, повторяя постоянно: „Я вамъ дамъ конституцію!" **). Великій князь не переносилъ ни малѣйшаго противодѣйствія и требовалъ абсолютнаго послушанія и безпрекословнаго подчиненія всѣмъ своимъ прихотямъ и капризамъ.

*) F. Mo awski. Dzieje nar. polsk., т. VI, стр. 241.
**) См. Карновичъ „В. кн. Константинъ", польск. перев., стр. 33.

Желая избавиться отъ него въ Петербургѣ, Александръ сдѣлалъ его главнокомандующимъ польскою арміею. Цесаревичъ охотно поселился въ Варшавѣ, гдѣ могъ не стѣсняясь дать полную волю своимъ страстямъ. Здѣсь онъ влюбился въ польку Грудзинскую, на которой и женился, отказавшись отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу младшаго брата Николая.

Тяжелую руку Константина почувствовало прежде всего польское войско. Неумолимо строгій, большой любитель военныхъ упражненій и парадовъ, онъ довелъ армію въ техническомъ отношеніи до совершенства. Но онъ возстановлялъ противъ себя всѣхъ своими чудачествами и строгостью. Малѣйшій промахъ, плохо пришитая пуговица, длинные усы, недостаточно вычищенное копыто лошади приводили великаго князя въ бѣшенство и гнѣвъ, которые обрушивались на всѣхъ, начиная съ генераловъ и кончая солдатами. Приговоры военныхъ судовъ, несогласные съ его взглядами, не имѣли никакой силы: единственнымъ закономъ была его воля. Вопреки утвержденному французскому военному регламенту, великій князь ввелъ тѣлесное наказаніе палками, къ которому питалъ такое расположеніе, что въ скоромъ времени больницы переполнились наказанными солдатами. Однажды молодой унтеръ-офицеръ (Сляскій) умеръ послѣ того, какъ великій князь истопталъ его ногами и избилъ шпорами. Даже одинъ изъ генераловъ (Сенявскій) упалъ, оскорбленный на парадѣ главнокомандующимъ. Оскорбленія, которыя великій князь наносилъ офицерамъ, доводили послѣднихъ до самоубійства. Неудивительно, что всѣ честные и способные люди уходили изъ арміи. Военная молодежь, пропитанная великими традиціями недавняго прошлаго, относилась съ большой непріязнью къ главнокомандующему и преданнымъ ему гене-

раламъ и начала вступать на путь тайныхъ организацій и союзовъ.

Какъ понималъ великій князь неприкосновенность личности, гарантированную конституціею, видно изъ того, что по его приказанію варшавскіе домовладѣльцы за нарушеніе полицейскихъ правилъ должны были лично подметать улицы столицы, а одному изъ нихъ онъ велѣлъ обрить голову и отсчитать 500 ударовъ кнутомъ; несмотря на признанную закономъ свободу печати, періодическая пресса была подвергнута по распоряженію Константина Павловича строгой цензурѣ; за критику дѣйствій полиціи, примѣняющей тѣлесныя наказанія, одна изъ газетъ была запрещена и типографія, въ которой она печаталась, закрыта.

Исполнительная власть принадлежала, согласно конституціи, намѣстнику. Общественное мнѣніе ожидало, что на этотъ постъ будетъ назначенъ князь Чарторыскій, имѣвшій всѣ данныя къ тому, чтобы управлять конституціонной страной. Но Александръ охладѣлъ уже къ другу своей юности, да и не желалъ имѣть намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ человѣка непреклонной воли и вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, который защищалъ бы конституцію отъ всѣхъ посягательствъ произвола. Намѣстникомъ былъ назначенъ генералъ Іосифъ Заіончекъ. Этотъ честолюбивый, но безхарактерный человѣкъ ради карьеры нѣсколько разъ мѣнялъ свои убѣжденія, переходя отъ одной крайности къ другой; изъ революціонера въ періодъ четырехлѣтняго сейма онъ сталъ самымъ ярымъ консерваторомъ и реакціонеромъ: поклонникъ Наполеона превратился въ льстеца и бездушнаго агента великаго князя, который фактически управлялъ Царствомъ черезъ ближайшаго своего помощника Новосильцева.

Николай Новосильцевъ послѣ вѣнскаго конгресса былъ сдѣланъ императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ Царства Польскаго, а впослѣдствіи членомъ административнаго совѣта. Въ сущности онъ пользовался всѣми полномочіями намѣстника. Увлекавшійся въ молодости либеральными идеями, Новосильцевъ удалялся отъ нихъ по мѣрѣ того, какъ реакціонныя тенденціи овладѣвали постепенно умомъ императора Александра. Въ концѣ концовъ слуга превзошелъ господина и готовъ былъ защищать права абсолютизма даже вопреки волѣ монарха. Враждебно настроенный противъ поляковъ, онъ не могъ освоиться съ мыслью о предоставленіи имъ конституціонныхъ свободъ, въ которыхъ онъ видѣлъ къ тому же заразу, опасную для населенія коренныхъ русскихъ областей. Онъ ненавидѣлъ каждаго поляка, который боролся противъ нарушеній гражданской свободы и смѣлъ имѣть свое независимое мнѣніе. Новосильцевъ мечталъ объ отмѣнѣ конституціи и съ чувствомъ нескрываемой радости отмѣчалъ все, что могло настроить Александра противъ поляковъ. Съ этой цѣлью онъ работалъ надъ уничтоженіемъ царскаго довѣрія къ полякамъ, которыхъ онъ характеризовалъ передъ императоромъ, какъ неисправимыхъ революціонеровъ и неблагодарныхъ бунтовщиковъ. По соглашенію съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ организовалъ тайную полицію, которая должна была доставить подозрительному Александру неоспоримыя доказательства распространенія революціонныхъ идей среди поляковъ. Кадры шпіоновъ были составлены изъ воровъ, мошенниковъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, изъ обанкротившихся дѣльцовъ и бѣдныхъ чиновниковъ. Начальниками этой полиціи были сперва отставные офицеры Ванъ-деръ-Ноотъ и Кампенъ, а затѣмъ — уланскій поручикъ Шлей и парикмахеръ

Макротъ. Полицейскіе агенты проникали всюду, не только въ общественныя собранія, но и въ частные дома. Шпіоновъ командировали въ провинцію. Намѣстникъ снабжалъ ихъ открытыми листами съ предписаніемъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ оказывать имъ всяческое содѣйствіе подъ страхомъ строгой отвѣтственности. Однимъ словомъ, Царство Польское, получившее либеральную конституцію, въ теченіе 15 лѣтъ своего существованія было ареною точь въ точь такихъ же экспериментовъ по изысканію наилучшихъ способовъ введенія безопасной фикціи гражданской и политической свободы, какихъ Россія дождалась въ началѣ XX вѣка.

Въ результатѣ такой политики правительства между нимъ и общественнымъ мнѣніемъ, стоявшимъ настражѣ конституціонныхъ свободъ, должна была возникнуть борьба, разгоравшаяся съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Главнымъ защитникомъ конституціи сдѣлался сеймъ, видѣвшій свое назначеніе прежде всего въ отстаиваніи правъ народа. Согласно конституціи сеймъ долженъ былъ созываться каждые два года, между тѣмъ, въ теченіе 15 лѣтъ онъ былъ созванъ всего четыре раза. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1817 года министръ статсъ-секретарь въ первый разъ предложилъ государственному совѣту выработать проекты новыхъ законовъ въ виду предстоявшаго созыва сейма. Въ этомъ предложеніи были указаны слѣдующіе вопросы, подлежащіе обсужденію въ сеймѣ: составленіе уголовнаго кодекса и измѣненіе 1-ой книги гражданскаго кодекса; относительно финансовой смѣты не было сказано ни одного слова; напротивъ, второе секретное предписаніе прямо гласило, что *сеймъ не долженъ касаться бюджета на будущій годъ.*

Такимъ образомъ тотъ, кто далъ конституцію, первый и нарушилъ ее, лишивъ собраніе народныхъ

представителей одного изъ самыхъ важныхъ его полномочій *). 17 марта 1818 года императоръ Александръ I лично открылъ сеймъ тронною рѣчью, произнесенной на французскомъ языкѣ. „Прежняя организація вашего государства,—сказалъ, между прочимъ, императоръ, — позволила мнѣ установить ту, которую я даровалъ вамъ, и ввести либеральныя учрежденія въ вашей странѣ. Послѣднія не перестаютъ быть предметомъ моихъ особенныхъ заботъ, и я надѣюсь распространить ихъ спасительное дѣйствіе на всѣ земли, ввѣренныя Провидѣніемъ моему попеченію. Вы даете мнѣ возможность показать моей родинѣ то, что я давно задумалъ дать ей и что она получитъ, какъ скоро зародыши столь важнаго предначертанія достигнутъ надлежащаго развитія". Эти слова относились, очевидно, ко всей Россіи, но, къ сожалѣнію, они остались пустымъ звукомъ.

По представленію великаго князя Константина императоръ назначилъ предсѣдателемъ сейма генерала Красинскаго, извѣстнаго карьериста, готоваго пожертвовать всѣмъ ради денегъ и почестей. Всѣ законопроекты, внесенные правительствомъ, сеймъ принялъ и утвердилъ за исключеніемъ одного, касающагося измѣненій законовъ о бракѣ. Кодексъ Наполеона признаетъ, какъ извѣстно, бракъ гражданскимъ договоромъ, заключаемымъ помимо церкви и подлежащимъ всецѣло вѣдѣнію свѣтскихъ властей. Такой взглядъ былъ, очевидно, плодомъ революціи и не могъ быть терпимъ торжествующими приверженцами реакціонныхъ принциповъ священнаго союза. Вотъ почему и правительство польскаго короля Александра настаивало на измѣненіи Наполеоновскаго закона о бракѣ и на передачѣ всѣхъ дѣлъ, относящихся до бракосочетанія, развода и

---

*) Barzykowski Historja powst list, t. I, стр. 131.

т. д., въ руки духовенства. Между тѣмъ польскій народъ успѣлъ уже привыкнуть къ институту гражданскаго брака и не желалъ никакихъ измѣненій въ духѣ клерикализма. Поэтому и палата депутатовъ, несмотря на все свое желаніе воздерживаться на первыхъ порахъ отъ какой бы то ни было оппозиціи, отвергла правительственный законопроектъ о бракѣ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного (Станислава Грабовскаго, впослѣдствіи назначеннаго министромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія).

Во всемъ остальномъ сеймъ прошелъ согласно съ видами и намѣреніями правительства, и государь, высказавъ депутатамъ свое удовольствіе по поводу ихъ добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, выѣхалъ изъ Варшавы, сопровождаемый самыми искренними выраженіями преданности и благодарности. Вскорѣ, однако, отношенія между правительствомъ и народомъ измѣнились къ худшему. Согласно конституціи, всеподданнѣйшій рапортъ государственнаго совѣта о положеніи страны, представляемый черезъ каждые два года королю, передавался затѣмъ на разсмотрѣніе сейму, который имѣлъ право дѣлать по поводу него соотвѣтствующія замѣчанія и указанія, восходящія впослѣдствіи на благовоззрѣніе монарха. Первый сеймъ Царства Польскаго съ большимъ тактомъ выполнилъ свою задачу. Его докладъ по поводу рапорта государственнаго совѣта отличался дѣловитостью, серьезностью и полнымъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ дѣйствій правительства. Между прочимъ сеймъ указывалъ на необходимость скорѣйшаго проведенія реформы судоустройства, составленія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, изданія закона о рекрутскомъ наборѣ, свободы печати, основанія гминныхъ школъ и тому под. Докладъ сейма вызвалъ неудовольствіе

императоръ Александра. Особымъ рескриптомъ министръ статсъ-секретарь сообщилъ сейму, что конституція не уполномочиваетъ сеймъ критиковать дѣйствія правительства и въ чемъ бы то ни было упрекать его; онъ можетъ лишь высказать свое мнѣніе о сдѣланныхъ ему порученіяхъ. Что касается выраженныхъ сеймомъ пожеланій, то нѣкоторыя изъ нихъ король приказалъ разсмотрѣть и обсудить, другія же, какъ, напр., относительно финансовой росписи, рекрутскаго набора и т. д. рѣшительно отклонилъ. О свободѣ печати въ рескриптѣ было сказано, что „его императорско-королевское величество оставляетъ этотъ вопросъ безъ разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока опытъ не укажетъ надлежащихъ мѣръ, которыя необходимо будетъ принять для того, чтобы не допускать злоупотребленій, происходящихъ отъ полной свободы печати“. Общественное мнѣніе отнеслось весьма отрицательно къ взглядамъ, изложеннымъ въ рескриптѣ, считая, что преподанное въ немъ разъясненіе полномочій сейма несогласно съ конституціею и въ значительной степени ограничиваетъ права народныхъ представителей.

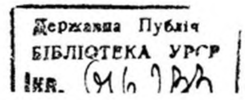
Второй сеймъ собрался въ 1820 году при обстоятельствахъ, грозившихъ тяжелыми осложненіями. Между 1818 и 1820 годами въ Европѣ произошли событія, отразившіяся и на политикѣ Александра I. Послѣ водворенія всеобщей реакціи въ западноевропейскихъ государствахъ стали возникать тайные союзы и сообщества, ставившіе себѣ задачею рѣшительную борьбу во имя принциповъ народовластія. Эти организаціи придерживались большей частью террористической тактики. Вспыхнули революціи въ Испаніи и Неаполѣ, а во Франціи былъ убитъ племянникъ короля принцъ Берри. Всѣ эти событія произвели сильное впечатлѣніе на императора Але-

ксандра; онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе склонялся въ пользу реакціи и удалялся отъ прекраснодушнаго либерализма, которымъ увлекался въ молодости. Эта перемѣна настроенія всего сильнѣй дала себя почувствовать въ Польшѣ. Братъ императора сталъ всѣми средствами выслѣживать и искоренять малѣйшее проявленіе вольномыслія въ Царствѣ Польскомъ. Свобода печати и неприкосновенность личности превратились въ пустыя слова. Редакторы періодическихъ изданій должны были спасаться бѣгствомъ за границу отъ преслѣдованій. Въ Варшавѣ боялись писать, говорить, думать. Наконецъ произволъ достигъ такой степени, что ропотъ недовольства всѣхъ слоевъ народа долженъ былъ дойти до государя. Ради успокоенія общественнаго мнѣнія изданъ былъ указъ совѣту министровъ, предписывающій составить проекты законовъ, которые легализировали бы всѣ допущенныя правительствомъ злоупотребленія. „Совѣтъ министровъ,— говорилось въ указѣ, — не долженъ обращать вниманія на то, что эти проекты могутъ не соотвѣтствовать точному смыслу конституціи, такъ какъ они будутъ предоставлены на утвержденіе сейма“. Такимъ образомъ правительство желало въ конституціонномъ порядкѣ получить санкцію для всѣхъ своихъ дѣйствій, противорѣчащихъ конституціи. Совѣтъ министровъ, зная общее настроеніе умовъ, отвѣтилъ министру статсъ-секретарю, что, по его мнѣнію, въ сеймѣ можно будетъ избѣжать оппозиціи только тогда, если правительство искренно признаетъ свободу печати, гарантированную 16 статьею конституціи, и неприкосновенность личности.

При такихъ обстоятельствахъ 1 сентября 1820 г. Александръ I открылъ лично второй сеймъ Царства Польскаго. Въ тронной рѣчи императоръ выразилъ свое довѣріе польскому народу, но предупреждалъ

его, что „злой духъ силится вновь утвердить свое господство и уже витаетъ надъ частью Европы, принося съ собой преступленія и ужасы“. Поэтому онъ, король, считаетъ своею священною обязанностью „искоренять зло въ зародышѣ“. „Еще нѣсколько шаговъ, направляемыхъ благоразуміемъ и умѣренностью, свидѣтельствующихъ о честности и довѣріи, — и вы достигнете осуществленія своихъ и моихъ надеждъ“, закончилъ свою рѣчь Александръ, намекая на давно уже обѣщанное имъ присоединеніе къ Царству Польскому Литвы и правобережной Украины. На другой день министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ сейму съ воззваніемъ не придавать особеннаго значенія допущеннымъ злоупотребленіямъ, такъ какъ даже совершенно основательные упреки могли бы лишь повредить родинѣ, ради блага которой слѣдуетъ научиться терпѣливо ждать и надѣяться. Приведенныя нами рѣчи государя и министра произвели на сеймъ весьма невыгодное впечатлѣніе и вызвали въ немъ серьезныя опасенія за будущность страны. Взвѣсивъ положеніе вещей, сеймъ рѣшилъ строго держаться конституціи и всѣми силами защищать ее отъ всякихъ посягательствъ и нарушеній.

Изъ правительственныхъ законопроектовъ, предложенныхъ сейму, важнѣйшіе были: проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства и предложеніе, отмѣняющее право палаты депутатовъ привлекать министровъ къ судебной отвѣтственности. Оба эти проекта были отвергнуты сеймомъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, такъ какъ въ первомъ не говорилось ничего о судѣ присяжныхъ, котораго желалъ народъ, а второй былъ признанъ самымъ грубымъ нарушеніемъ конституціи. Государь былъ крайне недоволенъ, тѣмъ болѣе, что на сеймѣ обнаружилась вполнѣ сознательная оппозиція, дѣйство-

вавшая, очевидно, по извѣстному плану съ цѣлью не допускать введенія какого-либо закона, противорѣчащаго точному смыслу конституціи. Во главѣ оппозиціи находились два брата Немоевскіе, депутаты Калишскаго воеводства, люди энергичные и образованные. Отвѣчая въ сеймѣ министру внутреннихъ дѣлъ Мостовскому, который указывалъ на необходимость уступокъ и умѣренности во имя блага родины, одинъ изъ Немоевскихъ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя слова: „И я знаю, что отъ Капитолія до Тарпейской скалы лишь одинъ шагъ, но мнѣ ничто не можетъ воспрепятствовать сказать правду. Конституція есть собственность народа, и король не имѣетъ права ни отнять ее у насъ, ни даже измѣнить ее по своей волѣ. Мы уже потеряли свободу печати, нѣтъ у насъ неприкосновенности личности, право собственности поколеблено и, наконецъ, теперь хотятъ лишить насъ отвѣтственности министровъ. Что же остается отъ этой конституціи? Stat magni nominis umbra!“ Сенаторъ Линовскій прямо сказалъ: „Пусть конституція свято соблюдается или пусть ее лучше отмѣнятъ совсѣмъ“. Наконецъ Викентій Немоевскій предложилъ привлечь къ отвѣтственности министра народнаго просвѣщенія за контрассигнованіе административнаго указа о введеніи цензуры. Это предложеніе было, однако, отклонено. Закрывъ сеймъ рѣчью, полною упрековъ, Александръ I уѣхалъ изъ Варшавы, крайне раздраженный и недовольный. Въ рескриптѣ, изданномъ въ отвѣтъ на докладъ сейма по поводу рапорта государственнаго совѣта о положеніи страны, государь повелѣлъ министру статсъ-секретарю сообщить совѣту министровъ, что онъ „не обязанъ и не долженъ входить въ какія бы то ни было разъясненія, касающіяся пожеланій и мнѣній, выраженныхъ сеймомъ, такъ какъ отвѣтъ,

послѣдовавшій на замѣчаніе перваго сейма, остается въ силѣ и нынѣ и показываетъ, что все было исполнено надлежащимъ образомъ. Что касается примѣненія конституціонныхъ началъ въ управленіи Царствомъ, то императоръ-король считаетъ относящіяся къ этому предмету замѣчанія совершенно излишними, такъ какъ всѣ сомнѣнія, могущія возникнуть при толкованіи конституціи, можетъ разрѣшить только онъ одинъ, какъ ея авторъ, знающій духъ ея лучше, чѣмъ кто-либо другой". Вернувшись въ Петербургъ, государь намѣревался отмѣнить совсѣмъ польскую конституцію, но отъ этого шага его удержали министръ иностранныхъ дѣлъ Капо д'Истріа и англійскій посланникъ. Тогда Александръ придумалъ другое средство, а именно, исходя изъ факта ежегодныхъ финансовыхъ дефицитовъ въ Царствѣ, онъ приказалъ административному совѣту обсудить „въ состояніи ли Царство Польское при настоящей своей организаціи существовать на собственныя средства или же оно должно получить другое устройство, болѣе отвѣчающее его рессурсамъ". Положеніе польскихъ финансовъ было, дѣйствительно, незавидно. Причинъ этого печальнаго явленія нужно искать въ исторіи края съ начала XIX вѣка. Польскій историкъ Аскеназы говоритъ по этому поводу слѣдующее: „На вѣнскомъ конгрессѣ Герцогство Варшавское было окончательно разорено какъ въ финансовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Послѣ столькихъ армій, опустошавшихъ страну, дипломаты конгресса нашли въ ней еще обильную жатву и для себя. Послѣ военной реквизиціи наступила реквизиція дипломатическая. Это былъ просто открытый грабежъ. Князь Адамъ Чарторыскій не былъ знатокомъ этихъ дѣлъ. Императоръ Александръ, поглощенный массою болѣе важныхъ дѣлъ, не имѣлъ возможности вникать въ

эти подробности. Но во всѣхъ этихъ дѣлахъ были настоящими мастерами, вникавшими во всѣ детали, представители Пруссіи. Они оперировали такъ ловко, что сумѣли выудить милліоны не только съ беззащитнаго Герцогства Варшавскаго, но и съ могущественной Россіи". Дѣло въ томъ, что Пруссія представила Россіи весьма солидный счетъ по разнымъ большей частью мнимымъ обязательствамъ, возникшимъ въ бурный періодъ Наполеоновскихъ войнъ и при раздѣлѣ Герцогства Варшавскаго на вѣнскомъ конгрессѣ *). Послѣ образованія Царства Польскаго управленіе его финансами находилось фактически въ рукахъ императорскаго комиссара Новосильцева. Министръ финансовъ, больной и слабохарактерный Матушевичъ, не проявлялъ никакой инициативы и безропотно переносилъ всѣ ограниченія и нарушенія своихъ правъ. Назначенный послѣ него Венглинскій оказался еще податливѣе. Между тѣмъ финансовая неурядица дошла до того, что, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, въ то время, какъ карманы нѣкоторыхъ лицъ наполнялись все больше и больше, расходы превысили доходъ и поглотили даже частные депозиты и залоги **). Несмотря на это, правительство, какъ мы уже видѣли, не допустило обсужденія финансовой росписи на двухъ первыхъ сеймахъ, а въ 1821 году само внезапно поставило вопросъ о несостоятельности Царства Польскаго. Аскеназы полагаетъ, что вопросъ этотъ не имѣлъ въ дѣйствительности столь серьезнаго значенія, чтобы угрожать самому существованію конституціи въ будущемъ, и что онъ былъ поставленъ даже не безъ вѣдома вновь назначен-

*) Напр., за содержаніе русскихъ войскъ въ 1812 г. въ той части герцогства Варшавскаго, которая отошла къ Пруссіи, въ уплату старыхъ долговъ б. рѣчи посполитой, въ вознагражденіе за уплаченную Пруссіей Наполеону контрибуцію и т. д.

**) F. Morawski Dzieje narodu polskiego т. VI, стр., 250. Poznań, 1872.

наго министра финансовъ князя Любецкаго. Угроза должна была лишь облегчить последнему выполненіе его трудной задачи упорядоченія польскихъ финансовъ. Любецкій вывелъ ихъ блестящимъ образомъ изъ тяжелаго положенія. Польскіе историки высказываютъ о дѣятельности его самыя противорѣчивыя мнѣнія. Его политика вызывала безпощадную критику и неоднократно могла справедливо возмущать современниковъ. Стремясь во что бы то ни стало доказать императору Александру жизнеспособность Царства Польскаго, онъ не брезгалъ никакими средствами ради этой цѣли. Такъ, напримѣръ, онъ рѣшилъ взыскать съ населенія административнымъ путемъ всѣ недоимки и недоборы со временъ короля Станислава-Августа. Образованныя имъ комиссіи самымъ тщательнымъ образомъ провѣрили всѣ податныя книги за 40 лѣтъ и съ неумолимой строгостью взыскивали всѣ сборы, подати, даже всѣ обѣщанныя когда-либо патріотическія пожертвованія, невнесенныя вслѣдствіе наступившихъ политическихъ событій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Любецкій твердо рѣшилъ оградить казну Царства Польскаго отъ всякихъ притязаній и вмѣшательства великаго князя Константина Павловича. Въ неутвержденныхъ сеймами бюджетахъ расходы не были опредѣлены съ точностью, вслѣдствіе чего открывался широкій просторъ для злоупотребленій. Великій князь привыкъ черпать изъ государственнаго казначейства безъ всякаго ограниченія, употребляя полученныя суммы на содержаніе тайной полиціи и другія цѣли, не имѣющія ничего общаго съ благомъ и дѣйствительными потребностями страны. Любецкій настоялъ на составленіи правильной росписи и отказывалъ рѣшительно отпускать деньги для цѣлей, въ ней не указанныхъ. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку дѣятельности Любецкаго, мы

должны все-таки признать, что онъ упорядочилъ финансы Царства Польскаго и устранилъ опасность, угрожающую съ этой стороны существованію конституціи. Тогда правительство, не имѣя болѣе предлога требовать реорганизаціи Царства въ силу финансовыхъ соображеній, попыталось упрочить систему произвола и беззаконія посредствомъ искусной деморализаціи общества и преслѣдованія всякихъ оппозиціонныхъ элементовъ. Людей слабыхъ и податливыхъ старались привлечь всевозможными милостями: орденами, наградами и чинами. Для борьбы съ прогрессивными тенденціями общества были пущены въ ходъ испытанныя средства, состоявшія въ пониженіи уровня народнаго образованія и покровительствѣ клерикализму. Устранивъ отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія либеральнаго Станислава Потоцкаго, написавшаго рѣзкую сатиру на духовенство и реакціонныя сферы общества, Новосильцевъ постарался выдвинуть на его мѣсто покорнаго и безгласнаго поклонника правительственной системы Станислава Грабовскаго. Цензоромъ былъ назначенъ нѣкто Шанявскій, человѣкъ европейски образованный, но ярый реакціонеръ. Такой тріумвиратъ (Новосильцевъ, Грабовскій и Шанявскій) сталъ руководить развитіемъ духовной жизни польскаго народа. Цензура неистовствовала. Свободная мысль была угнетена въ большей степени, чѣмъ въ Россіи, несмотря на торжественныя конституціонныя гарантіи. Учрежденный въ 1821 году комитетъ по реорганизаціи учебнаго дѣла съ Новосильцевымъ во главѣ принялся за разрушеніе всего, что было сдѣлано Потоцкимъ. Исходя изъ того положенія, что образованіе лишь извращаетъ здравыя понятія въ народѣ и будитъ въ немъ недовольство существующимъ порядкомъ, комитетъ сталъ закрывать начальныя училища, а доступъ въ высшія

школы затруднять путемъ увеличенія платы за право ученія. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сокращены были программы; въ особенности пострадалъ курсъ всемірной исторіи. Особому надзору подвергли, наконецъ, университетъ, какъ студентовъ, такъ и профессоровъ. Съ этой цѣлью было образовано особое учрежденіе съ чисто полицейскими функціями, получившее названіе генеральной кураторіи. Въ судебномъ вѣдомствѣ, несмотря на гарантированныя конституціей несмѣняемость и независимость судей, тоже допущены были серьезныя злоупотребленія. Министръ юстиціи, получивъ соотвѣтствующій приказъ свыше, переводилъ судей съ одного мѣста на другое, назначалъ имъ временныхъ заместителей и т. п.

Такое направленіе внутренней политики, въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ Европы, должно было привести къ возникновенію рядомъ съ открытой и легальной оппозиціей въ сеймѣ еще другой оппозиціи — тайной, которая подвергалась, конечно, строжайшему преслѣдованію. Самой значительной и сильной нелегальной организаціей былъ политическій союзъ, образованный по инціативѣ Валеріана Лукасинскаго, подъ названіемъ „Національное Патріотическое Общество". Въ 1822 году Лукасинскій и нѣсколько его товарищей были привлечены къ отвѣтственности и послѣ двухлѣтняго томленія въ тюрьмѣ, вопреки конституціи, были преданы военному суду, исполнявшему безпрекословно волю великаго князя Константина.

Поглощенное всецѣло подавленіемъ „крамолы" и водвореніемъ порядка, правительство какъ бы забыло о томъ, что сеймъ не собирался уже въ теченіе 5 лѣтъ. Наконецъ императоръ-король рѣшилъ созвать его, предписавъ заблаговременно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить никакой

оппозиціи и критики правительства. Прежде всего необходимо было устранить отъ участія въ сеймѣ главнаго вожака лѣвой Викентія Немоевскаго. Уже вскорѣ послѣ сейма 1820 года правительство закрыло калишскій воеводскій совѣтъ, членами котораго были братья Немоевскіе. Затѣмъ великій князь Константинъ приказалъ арестовать калишскаго помѣщика Радонскаго за участіе его въ неаполитанской революціи. Тогда Викентій Немоевскій въ частномъ собраніи заявилъ, что на ближайшемъ сеймѣ онъ подниметъ вопросъ о закрытіи воеводскаго совѣта и нарушеніи личной неприкосновенности гражданина Радонскаго; кромѣ того, онъ написалъ въ защиту послѣдняго письмо самому императору. Этотъ поступокъ показался великому князю Константину неслыханною дерзостью, и онъ потребовалъ отъ Немоевскаго письменнаго обѣщанія никогда не пребывать тамъ, гдѣ будетъ находиться государь. Несмотря на это, Немоевскій собрался ѣхать въ Варшаву на предстоящій сеймъ для отправленія своихъ обязанностей въ качествѣ депутата. Предупрежденный объ этомъ Константинъ Павловичъ велѣлъ задержать его у заставы и подъ эскортомъ жандармовъ вернуть въ деревню. Въ то же время императоръ издалъ указъ *), отмѣняющій публичность засѣданій сейма. Въ началѣ указа выставлены слѣдующіе мотивы этого нововведенія: „Усмотрѣвъ, что публичность засѣданій въ обѣихъ палатахъ поощряетъ ораторовъ заботиться болѣе о своей популярности, чѣмъ о благѣ общественномъ, и желая противодѣйствовать этому злу въ самомъ корнѣ и предупредить надобность въ какомъ бы то ни было воздѣйствіи на выборы, мы рѣшили укрѣпить (!) данный нами основной законъ измѣненіемъ

*) Это постановленіе было введено въ конституцію, какъ дополнительная статья.

посредствомъ дополнительной статьи одного изъ параграфовъ конституціи, вредъ котораго доказанъ опытомъ". Польское общественное мнѣніе было возмущено до крайней степени. Одинъ изъ современниковъ пишетъ по поводу упомянутаго указа: „Итакъ, авторъ конституціи, который торжественно гарантировалъ ея неприкосновенность, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени своихъ наслѣдниковъ, который въ письмѣ своемъ къ воеводѣ Островскому заявлялъ: „Горе тому, кто коснется ея!"—самъ нарушаетъ ее, топчетъ и уничтожаетъ. Мы убѣдились тогда воочію, что для насъ, поляковъ, нѣтъ никакихъ гарантій, что цари ставятъ свою волю выше конституціи и выше какихъ бы то ни было обязательствъ. Договоръ объ уніи былъ расторгнутъ и нарушенъ тѣмъ, кто съ такимъ трудомъ сочинялъ его въ Вѣнѣ" *). Несмотря на всеобщее недовольство, правительство указанными выше мѣропріятіями обезопасило себя отъ оппозиціи и 1 мая 1825 года Александръ I лично открылъ третій сеймъ Царства Польскаго. Рѣчь государя дышала гнѣвомъ и угрозами. Въ залѣ сейма размѣстили русскихъ чиновниковъ, которые должны были писать протоколы его засѣданій для императора и великаго князя. „Зданіе сейма, окруженное войскомъ, — говоритъ Бажиковскій,—на мѣстахъ, предназначенныхъ для публики,— русскіе протоколисты въ зеленыхъ мундирахъ, во главѣ ихъ Гинчъ, статскій совѣтникъ и директоръ канцеляріи великаго князя Константина, — все это создавало такую тяжелую атмосферу, что послѣдній Гродненскій сеймъ Рѣчи Посполитой невольно приходилъ на память" **). Легко себѣ представить, что чувствовали народные представители. Съ одной стороны, они считали своей нравственной обязанностью

*) Barzykowski lc. m I, стр. 147.
**) Barzykowski lc. m I, стр. 150.

протестовать противъ произвола и попранія своихъ правъ, но, съ другой стороны, они понимали, что „дополнительная статья“ была грознымъ предостереженіемъ и первымъ шагомъ къ полной отмѣнѣ конституціи въ случаѣ малѣйшей попытки сейма противодѣйствовать злоупотребленіямъ правительства. Взвѣсивъ всѣ сомнѣнія и возникающіе передъ нимъ вопросы, сеймъ, не давая воли возмущенному чувству, рѣшилъ воздержаться отъ рѣзкой оппозиціи и по возможности угодить государю. При разсмотрѣніи новыхъ законопроектовъ нѣкоторыя затрудненія вызвало лишь утвержденіе отвергнутаго уже первымъ сеймомъ проекта относительно реформы брачнаго устава. Императоръ Александръ желалъ во что бы то ни стало передать всѣ дѣла о бракѣ въ руки духовенства. Польское общественное мнѣніе и теперь, какъ и прежде, противилось этому. Стремясь быть вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ и требованій польскаго народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ боясь навлечь на страну гнѣвъ государя, сеймъ постановилъ обратиться съ представленіемъ по этому вопросу непосредственно къ самому Александру. Милостиво принятые монархомъ делегаты сейма заявили ему, что сеймъ далекъ отъ мысли противодѣйствовать правительству; наоборотъ, онъ желаетъ и старается изо всѣхъ силъ заслужить довѣріе того, кто возвратилъ польскому народу его отечество, но... правительственный законопроектъ о бракѣ не отвѣчаетъ желаніямъ и привычкамъ народа, почему сеймъ вынужденъ обратиться къ королю съ просьбой снять этотъ вопросъ съ очереди. Императоръ выслушалъ делегатовъ съ видимымъ удовольствіемъ и обѣщалъ имъ сдѣлать все возможное ради удовлетворенія ихъ просьбы. Въ результатѣ правительство уступило общественному мнѣнію и внесло свой проектъ въ значительно измѣненномъ видѣ, въ которомъ онъ и

прошелъ въ сеймѣ, не затрогивая въ принципѣ институтъ гражданскаго брака. Всѣ прочіе законопроекты также были приняты и утверждены. Послѣдній день засѣданій сейма обыкновенно посвящался для представленія петицій на Высочайшее имя. На этотъ разъ ихъ поступило очень много: относительно устраненія постоянныхъ нарушеній конституціи, о свободѣ печати, объ отмѣнѣ ареста Немоевскаго и закрытія калишскаго воеводскаго совѣта, о преданіи Лукасинскаго и другихъ политическихъ преступниковъ обыкновенному (не военному) суду и т. д. Правительству желательно было, чтобы эти петиціи не были прочитаны. Съ этой цѣлью председателю сейма Пивницкому было приказано затянуть засѣданіе такъ, чтобы на прочтеніе самыхъ непріятныхъ петицій нехватило времени. Пивницкій отложилъ всѣ щекотливые вопросы на конецъ засѣданія, распространялся весьма долго по поводу всякихъ мелочей и, когда часы пробили полночь, поднялся со стула, ударилъ предсѣдательскимъ жезломъ по полу и воскликнулъ: „День конченъ!“ Такимъ образомъ неугодныя правительству петиціи не были совсѣмъ прочитаны. Александръ былъ доволенъ и, закрывая сеймъ, сказалъ свою послѣднюю рѣчь къ представителямъ польскаго народа. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ скончался въ Таганрогѣ. Послѣ его смерти, по словамъ польскаго историка, „наступили для поляковъ дни печали, горя и несчастій“.

Слѣдствіе, возбужденное по поводу заговора декабристовъ, обнаружило существованіе Націон. Патріотическаго Общества, которое, несмотря на арестъ Лукасинскаго, продолжало свою дѣятельность. Въ теченіе января и февраля 1826 года происходили въ Варшавѣ многочисленные аресты. Съ каждымъ днемъ увеличивалось количество заключен-

ныхъ. Послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла великій князь Константинъ возбудилъ вопросъ о томъ, какому суду слѣдуетъ предать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ названному обществу. Новосильцевъ требовалъ военнаго суда, Любецкій и другіе министры, стоя на почвѣ конституціи, полагали, что это дѣло должно разсматриваться въ сеймовомъ судѣ (см. выше). Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и въ 1827 г. сеймовый судъ началъ свои дѣйствія. Весь народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ приговора. Общественное мнѣніе было цѣликомъ на сторонѣ подсудимыхъ. Константинъ Павловичъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы наказать ихъ построже. Наконецъ приговоромъ отъ 29 мая 1828 года члены Патріотическаго Общества были присуждены къ аресту отъ 2 до 3-хъ мѣсяцевъ, и только предсѣдатель его Кржижановскій былъ наказанъ 3 годами тюремнаго заключенія. Весь народъ встрѣтилъ этотъ приговоръ со вздохомъ облегченія. Тѣмъ сильнѣе былъ гнѣвъ императора Николая I и великаго князя. Членамъ сеймоваго суда государь выразилъ свое неудовольствіе по поводу вынесеннаго ими приговора. Приговоренные къ отбыванію наказанія въ Царствѣ Польскомъ были вывезены въ Петербургъ.

Дѣло Патріотическаго Общества показало, что весь польскій народъ былъ рѣшительно настроенъ противъ системы правительственнаго произвола. Императоръ понималъ это, но внѣшнія осложненія заставили его воздерживаться отъ принятія репрессивныхъ мѣръ и отмѣны польской конституціи. Въ 1828 году вспыхнула война съ Турціей. Въ виду полной неизвѣстности ея исхода Николай I не хотѣлъ раздражать поляковъ до крайности и попытался успокоить взволнованное общественное мнѣніе. Съ этой цѣлью онъ повелѣлъ построить въ костелѣ

капуциновъ въ Варшавѣ особую часовню для погребенія въ ней сердца короля Яна Собѣскаго, котораго назвалъ „однимъ изъ достойнѣйшихъ своихъ предшественниковъ“. Послѣ взятія Варны императоръ подарилъ Варшавѣ 12 турецкихъ орудій. Наконецъ, согласно съ требованіями конституціи, въ маѣ 1829 года онъ короновался въ Варшавѣ польскимъ королемъ и принесъ присягу на вѣрность конституціи. Коронаціонныя торжества не произвели на поляковъ должнаго впечатлѣнія и были омрачены нѣсколькими непріятными инцидентами. Особенно возмущало варшавянъ обиліе русскихъ войскъ, окружавшихъ королевскій замокъ. Самъ императоръ гордымъ и холоднымъ обращеніемъ отталкивалъ отъ себя поляковъ. Немедленно послѣ коронаціи Николай назначилъ новыхъ сенаторовъ, не отвѣчающихъ условіямъ, указаннымъ въ конституціи. Поданная государю нѣкоторыми депутатами петиція объ отмѣнѣ „дополнительной статьи“ конституціи была оставлена имъ безъ всякаго отвѣта. Большое недовольство возбуждало также то обстоятельство, что сеймъ не созывался опять болѣе четырехъ лѣтъ. Николай I, относившійся вообще отрицательно къ самому принципу народнаго представительства, откладывалъ созывъ сейма на неопредѣленное время, несмотря на представленія административнаго совѣта по этому вопросу. Наконецъ по настоянію Любецкаго, сумѣвшаго успокоить государя относительно хода дебатовъ въ предстоящемъ сеймѣ, послѣдній былъ назначенъ на май 1830 г. Императоръ пріѣхалъ лично для открытія сейма. Тронная рѣчь его ни однимъ словомъ не походила на милостивыя рѣчи Александра I. Холодная, безъ малѣйшаго проблеска чувства, не возбуждавшая никакихъ надеждъ на лучшее будущее, эта рѣчь произвела на поляковъ самое тяжелое впечатлѣніе. Сеймъ

прошелъ далеко не такъ, какъ было желательно правительству. Законопроектъ объ окончательной отмѣнѣ гражданскаго брака и на этотъ разъ былъ отвергнутъ. Многочисленныя петиціи по вопросамъ, касающимся свободы печати, „дополнительной статьи“, закрытія калишскаго воеводскаго совѣта и т. п., еще въ большей степени возбудили гнѣвъ и неудовольствіе государя, который не скрывалъ своихъ чувствъ и далъ имъ исходъ въ произнесенной при закрытіи сейма рѣчи, полной упрековъ, рѣзкихъ замѣчаній и угрозъ. Ясно было, что Царство Польское не могло ничего ждать отъ Николая. Уѣзжая изъ Варшавы, онъ уже твердо рѣшилъ ограничить или совсѣмъ отмѣнить конституцію. Между тѣмъ іюльская революція во Франціи всколыхнула всю Европу. Искра революціи, по выраженію одного изъ польскихъ историковъ того времени, „пронизала Польшу насквозь“. Въ Варшавѣ со дня на день можно было ожидать взрыва. За 15-лѣтній періодъ существованія Царства Польскаго въ человѣческихъ душахъ накопилось столько горечи и обиды, постоянныя нарушенія конституціи, вопіющія злоупотребленія, попраніе всѣхъ торжественно гарантированныхъ правъ, полный произволъ жестокости и насилія создали такое настроеніе, что катастрофа стала фатально неизбѣжной. Слухи о томъ, что польское войско будетъ послано для подавленія революціоннаго движенія во Франціи, переполнили чашу. Вечеромъ 17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе. Какъ современники смотрѣли на вызвавшія его причины, лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ программной статьи, помѣщенной въ органѣ вожаковъ сеймовой оппозиціи Немоевскихъ—„Курьеръ Польскій“: „Великая хартія нашихъ правъ (т.-е. конституція Александра I) лежала закрытой у подножія трона. Мы

теряли по очереди всѣ наши свободы. Тогда мы воскликнули: „Spoliatis arma supersunt!“ („лишеннымъ всего остается оружіе“) и взяли въ руки оружіе. Мы не должны слагать его до тѣхъ поръ, пока не обезпечимъ себя отъ возможнаго возвращенія къ тому порядку, главной основой котораго были презрѣніе къ правамъ человѣка и „абсолютная власть“.

Старый порядокъ, однако, восторжествовалъ. Онъ былъ силенъ, такъ какъ черпалъ свою мощь въ томъ культурномъ мракѣ, въ которомъ пребывалъ тогда русскій народъ, не понимавшій того, что его сыны, „разстрѣливая польскихъ повстанцевъ, разстрѣливаютъ свою собственную свободу*).

Взвѣсивъ факты изъ исторіи Царства Польскаго съ 1815 по 1830 г. и вдумавшись въ смыслъ этой пятнадцатилѣтней борьбы польскаго народа за конституціонныя начала, читатель не затруднится, мы думаемъ, отвѣтить на вопросъ, дѣйствительно ли только свобода и „автономія“ привели поляковъ къ возстанію?..

---

*) Изъ рѣчи Врублевскаго, произнесенной на земско-городскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 г.